

Н.Ф. Красносельцев

**О значении археологических
открытий для обработки
древней церковной истории**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н.Ф. Красносельцев**
О значении археологических открытий для обработки древней церковной истории / Н.Ф. Красносельцев – М.: Книга по Требованию, 2014. – 258 с.

ISBN 978-5-4241-7854-2

О значении археологических открытий для обработки древней церковной истории.

ISBN 978-5-4241-7854-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

М. м. Тг.

Приступая къ дѣлу весьма серьезному, но для меня до нѣкоторой степени новому — къ чтенію лекцій по Церковной Исторіи въ высшемъ образовательномъ учрежденіи, лицамъ, имѣющимъ научную подготовку весьма солидную, но *не спеціально богословскую*, я невольно долженъ былъ почувствовать нѣкоторую особенную трудность этого дѣла вытекающую изъ особаго положенія, занимаемаго наукой Церковной Исторіи въ ряду другихъ наукъ историко-филологическаго факультета, а вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ былъ почувствовать также и настоятельную нужду заручиться прежде всего твердою точкою опоры для выработки наиболѣе цѣлесообразнаго характера изслѣдованія и изложенія. Такую точку опоры кажется не иначе можно пріобрѣсть, какъ посредствомъ тщательнаго уясненія себѣ того пути, который въ данномъ случаѣ представляется намъ наиболѣе цѣлесообразнымъ. Намѣтить надлежащій и лучшій путь изслѣдованія есть дѣло весьма важное. Иногда отъ этого всецѣло зависитъ достиженіе цѣли и выполненіе задачъ, свойственныхъ той или иной наукѣ, задачъ какъ постоянныхъ и общихъ, такъ и частныхъ, болѣе или менѣе случайныхъ, опредѣляемыхъ объемомъ и свойствомъ научнаго матеріала въ данный моментъ, или потребностями времени и лицъ. Я не имѣю претензіи пролагать новые пути въ своей наукѣ, но я желалъ бы въ этомъ отношеніи стоять на той высотѣ, которая гармонировала-бы какъ съ достоинствомъ этой науки, такъ и съ достоинствомъ науки, а именно: я желалъ-

бы для достиженія цѣли университетскаго преподаванія, равно какъ и цѣлей специально научныхъ, слѣдовать лучшему пути, выработанному исторіей науки и опредѣляемому современнымъ состояніемъ источниковъ этой науки и матеріала, подлежащаго ея обработкѣ. Что-же это за путь? Скажу заранѣе, что изъ сопоставленія современныхъ потребностей науки съ потребностями университетскаго преподаванія, на мой взглядъ, ясно вытекаетъ, что путь этотъ долженъ совпадать съ тѣмъ направленіемъ, которое въ настоящее время довольно уже явственно намѣчается частыми экскурсіями церковныхъ историковъ въ область археологіи, хотя и не получило еще всеобщаго распространенія. Чтобы опредѣлить до стоинства и особенности этого направленія и его цѣлесообразность, я имѣю намѣреніе занять ваше вниманіе краткимъ очеркомъ общаго положенія, общихъ задачъ и потребностей церковно-исторической науки, выработанныхъ ея исторіей. Надѣюсь, что изъ этого очерка будетъ достаточно ясно, куда долженъ склониться нашъ выборъ и почему.

Церковная Исторія въ настоящее время занимаетъ въ ряду другихъ историческихъ наукъ положеніе довольно неопредѣленное и такъ сказать двусмысленное. Она безъ сомнѣнія есть наука историческая. По предмету своему она есть часть или спеціальныи отдѣлъ общей всемірной исторіи. Предметъ ея религія, хотя не во всемъ ея объемѣ, а только въ конкретномъ и индивидуальномъ ея проявленіи, именно религія христіанская, составляющая достоиніе особаго общества, называемаго церковью, по все-таки религія, которая всегда была однимъ изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ, опредѣлявшихъ направленіе и теченіе исторіи человѣчества. Въ качествѣ такого фактора она не можетъ быть оставлена безъ вниманія изслѣдователями всемірной исторіи и въ настоящее время. Съ своей стороны и Церковная Исторія, выдѣлившись изъ общей, не можетъ порвать съ нею своей связи, такъ какъ и религіозныя движенія происходили всегда въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ политическими или социальными условіями, отъ которыхъ получали иногда то или иное направленіе, тотъ или иной характеръ. Въ старое время, въ эпоху лѣтописей и хроникъ эта естественная связь исторіи гражданской съ церковною была гораздо виднѣе: хронисты записывали съ равною

внимательностію какъ событія гражданскія, такъ и церковныя. Но и въ настоящее время связь эта порвана быть не можетъ и не должна.

Однакожъ въ настоящее время связь эта далеко не такъ тѣсна, какъ можно бы было думать. Будучи наукою историческою, Церковная Исторія въ тоже время есть наука богословская и притомъ богословская какъ *ἐκφοῦν*, наука такъ сказать центральная въ области богословія. Всѣ другія вѣтви богословія какъ теоретическаго, такъ и практическаго стремятся къ исторіи, какъ къ центру и на ея почвѣ приходятъ во взаимоотношеніе и связь. Служа къ соединенію и оправданію другихъ богословскихъ наукъ, Церковная Исторія какъ-бы невольно съ давнихъ временъ усвоила себѣ нѣкоторые особыя задачи и особыя приемы, сближающіе ее съ чисто богословскими науками и удаляющими отъ общаго направленія исторической науки. Это такъ сказать неисторическое направленіе, отражающееся довольно вредно на составѣ и приемахъ изслѣдованія церковно-исторической науки, поддерживается въ ней не только особымъ положеніемъ ея въ средѣ богословскихъ наукъ, но и преданіемъ, выработаннымъ исторіей науки, преданіемъ, отъ котораго не легко освободиться. Преданіе это воспитало въ церковно-исторической наукѣ направленіе частію полемическое, частію субъективно-конфессіональное. Это направленіе Церковная Исторія усвоила себѣ съ самаго начала своего существованія въ качествѣ отдѣльной науки. Оно весьма сильно въ ней и до настоящаго времени.

Въ качествѣ особой науки Церковная Исторія явилась на почвѣ религіозныхъ волненій XVI в. Своимъ происхожденіемъ она обязана протестантизму и въ частности стремленію протестантовъ унижить папство и оправдать истинность своего исповѣданія. Первымъ трудомъ, съ котораго обыкновенно начинаютъ исторію Церковной Исторіи, какъ особой науки, были такъ называемыя Магдебургскія Центуриі. Авторы этого громаднаго сочиненія, ливившагося между 1550—1574 г., самымъ беззащитнымъ образомъ высказываютъ свою противоисторическую цѣль—доказать, что папа есть антихристъ, что церковь, поскольку она находилась подъ папскимъ вліяніемъ, есть царство антихриста, царство тьмы и безчисленныхъ заблужденій, и что только протестантство вывело ее изъ такого

ужаснаго положенія. Упорно и страстно преслѣдуя эту вовсе не научную цѣль, авторы ¹⁾ обнаружили неразборчивость, легковѣріе и явное пристрастіе какъ въ выборѣ источниковъ, такъ и въ способѣ пользованія ими. Другое церковно-историческое сочиненіе, явившееся нѣсколько позднѣе (1597—1609 г.) *Annales ecclesiastici* кардинала Баронія, написано тоже въ полемическомъ, хотя и болѣе сдержанномъ, тонѣ, такъ какъ цѣлю при его написаніи было—парализовать впечатлѣніе, произведенное Магдебургскими Центуріями, которыя Бароній называлъ центуріями сатанинскими. Эти два сочиненія, одно протестанское, другое католическое, надолго опредѣлили характеръ западной церковно-исторической науки. Церковно-историческія сочиненія, непосредственно слѣдовавшія за ними, особенно протестантскія, всѣ прямо или косвенно суть сочиненія не столько историческія, сколько конфессіонально-полемическія. Извѣстный историкъ Шафъ такъ характеризуетъ церковную исторію XVI и XVII в. «Въ XVI и XVII вв.—говоритъ онъ—исторію писали съ конфессіональной точки зрѣнія и она служила конфессіональнымъ интересамъ партій. Какъ протестанты, такъ и католики обратили ее въ арсеналъ, откуда брали оружіе для пораженія своихъ противниковъ. У тѣхъ и другихъ всегда было цѣлю—себя представить правовѣрующими наследниками или возстановителями чистаго католическаго ученія, а противниковъ еретиками нововводителями»... При этомъ «конечно не было недостатка въ несправедливостяхъ и крайностяхъ съ обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ какъ римско-католическіе полемики, при помощи отчасти неподлинныхъ, или подозрительныхъ документовъ, старались относить въ глубокую древность учрежденія очевидно уже позднѣйшаго происхожденія,—а реформацію выводили изъ самыхъ нечистыхъ побужденій, протестантскіе полемисты съ такимъ же духомъ партій и еще съ большимъ насиліемъ искажали исторію римско-католической церкви и совсѣмъ не признавали великой заслуги ея

¹⁾ Составленіемъ Центурій занималась довольно многочисленная корпорація ученыхъ богослововъ. Инициаторомъ дѣла и главою его былъ нѣкто Матвѣй Фляцій. Подробности см. въ книгѣ проф. А. Лебедева: «Очерки развитія протестантской церковно-исторической науки въ Германіи». Москва 1881 г., стр. 10 и слѣд.

въ христіанизированіи и цивилизаціи романскихъ и германскихъ народовъ»¹⁾). Къ полемикѣ между католиками и протестантами, опредѣлившей характеръ старыхъ церковно-историческихъ сочиненій, нужно присоединить еще полемику между протестантскими сектами, особенно между лютеранами и реформатами. «Сходясь въ противленіи римской церкви лютеранскіе и реформатскіе историки XVI и XVII в. настолько разнились между собою, насколько каждая партія старалась въ отеческихъ вѣкахъ найти свое отличительное ученіе, при чемъ конечно терялась чисто-историческая точка зрѣнія», т. е. сочиненія ихъ получали противно-историческій характеръ. Что всего замѣчательнѣе, такъ это то, что всѣ они считали себя безпристрастными и имѣли задачу писать исторію объективно, преслѣдуя одну истину и это обозначали иногда даже и въ самыхъ заглавіяхъ своихъ сочиненій. Такъ въ концѣ XVII в. одинъ изъ весьма ученыхъ протестантскихъ историковъ Готфридъ Арнольдъ издалъ весьма солидное сочиненіе подъ заглавіемъ: «Безпристрастная исторія церкви и ересей—Unpartheysch Kirchen und Ketzler-Historien (1699—1700). Мы весьма ошиблись бы, если бы повѣрили этому заглавію. Не смотря на заявленіе о безпристрастіи, авторъ всецѣло стоитъ на той же полемической почвѣ, на какой стояли авторы Магдебургскихъ Центурій. Какъ у нихъ, такъ и у него задача церковно-историческая еще не выдѣлена отъ задачи полемической. Истиннымъ побужденіемъ къ составленію исторіи для автора былъ духъ полемики, крайнее перасположеніе къ направленію протестантства того времени. Выходя изъ страннаго воззрѣнія, что носителями евангельской истины, какъ въ древнее, такъ и въ послѣдующее время, были одни еретики, онъ сдѣлалъ свое сочиненіе апологіей всевозможныхъ еретиковъ противъ католиковъ и протестантовъ—задача оригинальная. Можно себя представить, какъ авторъ долженъ былъ обращаться съ историческими источниками, чтобы извлечь изъ нихъ доказательства своихъ мыслей.

Обыкновенно думаютъ, что полемическо-конфессіональный элементъ господствовалъ въ Церковной Исторіи только въ XVI и XVII в.в. и что съ начала XVIII в. наступила новая эпоха

¹⁾ Исторія церк. исторія, пер. изъ Шаффа. Труды Киевск. Дух. Акад. 1861. II. 216—217. Schaff, Geschichte der Apostolischen Kirche.

Церковной Исторіи, открывшись направлеиіемъ супранатурально-прагматическимъ. Лучшимъ представителемъ этого направлеиія считаютъ Мосгейма (1755). Этого историка дѣйствительно трудно упрекнуть въ партійности, хотя и онъ не совершенно чуждъ ея. Но это направленіе было лишь кратковременною реакціею. Во второй половинѣ XVIII в. оно смѣнилось другимъ направлеиіемъ, которое по тенденціозности нисколько не уступаетъ направленію Магдебургскихъ Центурій. Это направленіе, продолжающееся и доселѣ, можетъ быть названо *философско-конфессіональнымъ* и, если не прямо то косвено, *полемическимъ*. Подъ вліяиіемъ различныхъ системъ философіи, оно принимаетъ тотъ или иной характеръ, но всегда содержитъ въ себѣ нѣчто предвѣренное и партіозное, а слѣдовательно не вполне сообразное съ истинными цѣлями и задачами исторіи. Противоположность этого направлеиія особенно ярко выступаетъ въ первой серіи историковъ этого рода, писавшихъ подъ вліяиіемъ вольѣанской популярной философіи, французскаго энциклопедизма и вообще раціонализма. Представителями этого направлеиія считаются Землеръ, Планкъ и Генкэ. Исторіографы такъ характеризуютъ это направленіе. Это «направлеиіе исторіографіи не есть въ собственномъ смыслѣ историческое. Оно не имѣло серьезнаго глубокаго призванія изучать исторію, объяснять факты протекшей жизни христіанской, установить болѣе правильный и вѣрный взглядъ на судьбы церкви; исторія обращаетъ на себя вниманіе представителей этого направлеиія преимущественно какъ средство для того, чтобы если не подорвать значеніе христіанства, то по крайней мѣрѣ умалить въ глазахъ общества значеніе религіознаго элемента въ жизни человѣка; для этой цѣли изъ исторіи христіанства набирались и предъявлялись преимущественно такіе факты, которые указывали на темные стороны въ исторіи церкви, и подобные факты историки старались выставлять какъ самыя характеристическіе, въ которыхъ выразилась самая сущность религіозной жизни человѣчества въ прежнее время»¹⁾. «Направлеиіе это—говоритъ другой исторіографъ—собственно *не историческое*; оно не имѣетъ никакой привязанности къ исторіи, какъ къ исторіи, но видитъ въ ней только отрицательный интересъ

¹⁾ Лебедевъ. Очерки... стр. 77, 78.

для упражненія на ней своей разрушительной критики». Въ немъ «все сводится къ субъективному основанію»¹⁾. Вообще, въ научно-историческомъ отношеніи направленіе это ничтожно; однако, ему приписываютъ нѣкоторыя заслуги и между прочимъ ту заслугу, что своими крайностями оно вызвало къ бытію и дѣятельности такъ называемую ортодоксально-протестантскую школу Неандера, въ которой мы имѣемъ лучшую обработку Церковной Исторіи и лучшее пониманіе христіанства и его исторіи.

Неандера (1850) называютъ «отцемъ новѣйшей церковной исторіи». Онъ и дѣйствительно по своимъ талантамъ и направленію стоитъ такъ высоко, что никто другой изъ церковныхъ историковъ до настоящаго времени не могъ съ нимъ сравняться. Однако и онъ, будучи протестантомъ и ученикомъ Шлейермахера, заплатилъ дань партіозности и субъективизму, и не могъ совершенно выдѣлится себя изъ общаго направленія, которое мы назвали философско-конфессіональнымъ. Его понятія объ индивидуальности въ религіи, о всеобщемъ священствѣ, его понятіе о христіанской религіи, какъ о чемъ-то исключающемъ собою церковь, существующемъ только внѣ и подлѣ церкви, весьма невыгоднымъ образомъ отразились на его исторіи. Исторіи эта не церковна. Шафъ говоритъ, что Неандеръ есть «историкъ по преимуществу невидимой церкви и потому самымъ отчетливымъ и оригинальнымъ образомъ изображаетъ развитіе христіанскаго ученія и христіанской жизни, особенно насколько они отразились въ частныхъ богословахъ и благочестивыхъ мужахъ, и съ этой стороны онъ превосходитъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Напротивъ, во всемъ, что относится больше ко внѣшнимъ явленіямъ церкви, онъ видитъ мало интереса. Особенно это относится къ отдѣламъ объ устройствѣ церковномъ, которое уже и въ первомъ періодѣ представлено (у него) весьма не удовлетворительно и подъ вліяніемъ его антипатіи къ іерархическому началу. На свѣтскую и политическую сторону церковной исторіи, обнаруживающуюся особенно въ области церковнаго устройства, на связь церкви съ государствомъ и т. п. онъ тоже не обращалъ вниманія. Не обращалъ вниманія онъ также и на эстетическую и художественную сторону

¹⁾ Шафъ. Тр. К. Ак. 1861. II. 134.

христіанской религіи и на культъ. «Нечего и искать въ его сочиненіи обстоятельнаго изображенія того вліянія, какое христіанство имѣло и на эту область человѣческой жизни; у него нѣтъ исторіи пластики, живописи, архитектуры, музыки, поэзи, а также и всего того, что относится къ великолѣпю и символичѣскимъ средневѣковаго историческаго культа». Определенное въ своихъ формахъ богослуженіе, по его мнѣнію, есть явленіе ненормальное, «ниспаденіе въ область чувственности съ ея немощами»¹⁾. Что все это значитъ, какъ не то, что и Неандеръ проводилъ чрезъ свою исторію свои субъективныя и конфессіональныя идеи?

Несравненно болѣе субъективизма и полную анти-историчность обнаруживаетъ другой корифей новѣйшей протестантской церковно-исторической науки Бауръ—послѣдователь гегелевой философіи и глава такъ называемой новотюбингской школы († 1860). Усвоивъ себѣ измышленную Гегелемъ теорію развитія посредствомъ тезисовъ и антитезисовъ, онъ приложилъ эту теорію къ исторіи христіанства и въ частности къ исторіи его происхожденія, и перестроилъ древнюю церковную исторію до неузнаваемости. Чтобы втиснуть послѣдовательность церковно-историческихъ событій въ рамку этой теоріи, Бауръ ни предъ чѣмъ не останавливается. Самые подлинныя документы, если они не благоприятствуютъ теоріи, отвергаются имъ какъ неподлинныя или урѣзываются и исправляются смотря по надобности. Тоже дѣлается и съ фактами, которые подлинны даже съ его точки зрѣнія. Онъ обращается съ ними безъ всякой церемоніи: то урѣзываетъ, то преувеличиваетъ ихъ значеніе, древніе мѣшаетъ съ новѣйшими,—и все это для того, чтобы оправдать теорію. «Онъ не хочетъ ставить себя въ нормальное отношеніе къ дѣйствительной исторіи» и свой «предвзятый субъективизмъ» хочетъ поставить законодателемъ исторіи. Изъ идеи онъ хочетъ получить знаніе о томъ, какъ должно быть, для того, чтобы не имѣть нужды наблюдать, какъ это есть на самомъ дѣлѣ. Вслѣдствіе чего Бауръ хочетъ передѣлать самые факты, перемѣнать и размѣстить ихъ въ иномъ порядкѣ, нежели какъ они размѣщены ходомъ событій въ дѣйствительной исторіи,—и все это потому, что въ такомъ дѣйствительномъ видѣ

¹⁾ Лебедевъ. Очеркъ.. стр. 137, 138.

они очень неудобно укладываются въ тѣхъ схемахъ, которыя такъ дороги Бауру, вслѣдствіе его наклонности къ гегелевскимъ доктринамъ. Отсюда такъ много произвола въ построении имъ исторіи не только первоначальнаго христіанства, но и исторіи дальнѣйшихъ временъ христіанской церкви¹⁾. Вообще, церковная исторія Баура въ существѣ дѣла есть не столько исторія, сколько «опытъ приложенія философскихъ идей Гегеля къ прошедшимъ судьбамъ христіанства»¹⁾. Понятно, какъ мало истинно-историческаго можно найти въ исторіи подобнаго рода. Однакожъ составитель ея стоитъ во главѣ цѣлой школы, которая имѣетъ большую силу даже и въ настоящее время, особенно когда дѣло касается исторіи первыхъ вѣковъ христіанской эры. И въ настоящее время въ протестантско-нѣмецкой литературѣ рѣдко можно встрѣтить книгу, посвященную вопросамъ о первыхъ вѣкахъ христіанства, на которой не отражалось бы вліяніе Бауровыхъ воззрѣній, хотя большею частію съ нѣкоторыми измѣненіями.

Одна изъ такихъ книгъ, вышедшая недавно, принадлежитъ перу автора, который по талантамъ и трудолюбію обѣщаетъ превзойти Баура. Это учебная книга исторіи христіанскаго догмата — *Lehrbuch der Dogmengeschichte* (Freiburg 1886 — 1887), составленная Адольфомъ Гарнакомъ профессоромъ церковной исторіи въ Берлинскомъ университетѣ. Своими многочисленными критическими этюдами, особенно по части древне-христіанской литературы авторъ успѣлъ завоевать себѣ первенствующее положеніе среди современныхъ церковныхъ историковъ. Необыкновенный критическій талантъ и глубокая эрудиція сообщаютъ громадную цѣну его изслѣдованіямъ. Тѣмъ поразительнѣе видѣть, какъ подъ давленіемъ тенденціи и предвзятой теоріи извращаются самыя высокія ученые качества. Теорія Гарнака, какъ и многихъ другихъ, таже, что и Баура. Это — пресловутая *теорія развитія*, стремящаяся объяснить происхожденіе и развитіе христіанства путемъ естественнымъ изъ малаго зародыша, содержательность котораго представляется большею или меньшею, смотря по тому, какихъ воззрѣній держится тотъ или иной ав-

¹⁾ Лобедевъ, Опытъ.... стр. 194, 197, 195.

торъ на сущность христіанской религіи, признаеть ли ее божественною и откровенною или нѣтъ. Такъ какъ Гарнакъ христіанскую религію не признаеть откровенною, то по его воззрѣнію этотъ первоначальный зародышъ имѣеть столь минимальную величину и столь малое содержаніе, что въ немъ не находятъ мѣсто даже ученіе о Христѣ какъ Богѣ, явившееся у христіанъ будтобы уже послѣ развитія гностицизма не ранѣе 160 года. По ученію Гарнака, Христосъ училъ очень не многимъ нравственнымъ истинамъ; въ апостольскій вѣкъ сумма христіанскихъ понятій тоже была не велика. Подъ вліяніемъ греко-римской образованности, юдаизма, гностицизма и другихъ ересей начало развиваться мало по малу определенное христіанское вѣроученіе, которое такимъ образомъ не есть ученіе Христа и первохристіанской церкви, а явилось впоследствии подъ вліяніемъ различныхъ, часто совершенно постороннихъ по отношенію къ христіанству, факторовъ. Для того, чтобы доказать все это, нужно было произвестъ надъ фактами и источниками столько странныхъ и противонаучныхъ экспериментовъ, что всякій не предубѣжденный человѣкъ невольно долженъ прійти въ изумленіе. Для развитія фантастическихъ теорій въ области исторіи, чѣмъ менѣе фактовъ и источниковъ, тѣмъ лучше. Отсюда стремленіе во что бы то ни стало очистить пространство отъ всего, что могло бы мѣшать полету фантазіи. Съ этою цѣлью еще Бауръ подвергъ необыкновенно придирчивой и произвольной критикѣ подлинность новозавѣтныхъ писаній. Результатомъ было устраненіе изъ числа подлинныхъ многихъ новозавѣтныхъ книгъ. Гарнакъ стоитъ на той-же точкѣ. Онъ отвергаетъ подлинность синоптическихъ Евангелій, Дѣяній, нѣкоторыхъ посланій ап. Павла и соборныхъ. Въ его интересахъ было отвергнуть подлинность даже всѣхъ новозавѣтныхъ книгъ. Но многіе изъ нихъ носятъ настолько рѣзкую печать подлинности, что сдѣлать это не оказывается никакой возможности. Онъ вынужденъ допустить подлинность Евангелія Іоанна и большей части посланій ап. Павла. Если изобразить первохристіанское ученіе на основаніи однихъ этихъ несомнѣнно подлинныхъ посланій ап. Павла, и тогда получится такой полный комплексъ христіанскихъ вѣрованій, что онъ будетъ стоять въ полнѣйшемъ противорѣчій съ тѣмъ, что предположено въ этомъ отношеніи Гарнакомъ.